

Александр
Власов

Лишь
украдкой

Александр Иванович Власов

Лишь украдкой

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43426887
Лишь украдкой / А. Власов: Родина; Москва; 2019
ISBN 978-5-907149-77-9

Аннотация

Новая книга прекрасного поэта Александра Власова с таким трогательным названием посвящена самой главной теме: Любви, – как чарующему, но ускользящему явлению.

Скучноваты мне маски людские,

Но не эти черты!

Нет, улыбкой блестят и другие,

Как заря – только ты.

Наш современник создает не только стихи, но и великолепные рисунки, которыми наполняет свои произведения. И в них тоже Она – разноликая, робкая, томная, изящная...

В чёрнёной тьме волос её красиво

Повсюду кудри светлые видны,

Волшебному лицу же справедливо

Глаза потусторонние даны.

Без сомнения, эта книга станет подарком для всех любителей высокого слога, готовых оценить мастерство поэтической строки.

Содержание

«Заманчиво шептаться при луне»	7
«На ручей в окно она глядела»	8
«На качелях она месячной полночью»	9
«Под балконами цветы»	10
«Подружка любимая словами и взорами»	11
«Заходила ты в пруд – и бежала попятно»	12
«На воду брошены последние цветы»	13
«По вине прикосновения»	15
«Несмело простишься с убогой теплицей»	16
«Стороной, стороной»	17
«Даётся под небом её предпочтенье»	18
«На качели пришли мы без мысли резонной»	19
«Идя со знакомой, на диво любезной»	20
«Румянца жар, актёрство, мишура»	22
«Не только с юмором оценивает он»	23
«Хорошо бы спуститься к реке»	24
«Забыл я на время святую науку»	25
«Протекли три стаи в виде клина»	26
«Чуть улыбается с портрета»	27
«Мне забыть об охлаждении»	28
«Руку лилейную тронуть однажды»	29
«Плакучие берёзы быстро вяли»	30
«Кто вещает о муке тщеты»	31

«Подвластны рассудку светильники ночи»	32
«Пышнокудрой, влекуще красивой»	33
«Меж нами имелись обычные речи»	35
«В половодье волос и в ночной пелене»	36
«Закатная риза дана бездорожью»	37
«Средь ясной весны фиалки в саду»	38
«Весна воспитала фиалки в саду»	39
«В любви легко лишиться почвы нам»	40
«Как будто столетье не видел я феи»	42
«Ты мамы держалась, одна к ней припав»	43
«Запросами близки мы не вполне»	44
«Тебе на пустоши таинственной»	45
«Поющий сердцу соловей»	46
«Вечерней порой тебя, дорогая»	47
«Волшебными не сделать отношений»	49
«Не спрятаться для большего рождённым»	50
«Могущество отступит от иного»	51
«Отчего сегодня всюду грустно?»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Власов

Лишь украдкой

*Тамаре Власовой,
которая когда-то сказала,
что своего сокровенного
любить она будет
и в потусторонней неизвестности.*

«Заманчиво шептаться при луне»

Заманчиво шептаться при луне,
Не требовать обычного пути,
Заманчиво, но царства лилий мне
В окрестности другой нельзя найти.

Невесело далёкому костру
У берега, на лоне забытья,
Невесело речному серебру
Под вербами без трелей соловья.

Всё нежится в полночной синеве,
Горит окном отрадное жильё,
Виднеются ромашки на траве,
Но кроется далёкий лик её.

«На ручей в окно она глядела»

На ручей в окно она глядела,
На цветы, на зыби ивняка.
Но в тоске не виделось ей дела
До скупых отдушин уголка.

С ней слегка сражаюсь я сначала,
За порог ищу потом уйти,
Но в халат она ключи послала,
Предо мной возникла на пути.

В нежный плен объятий заключила,
Всякий спор отвергла без труда.
Большинством играющая сила
Неспроста владела мной всегда.

«На качелях она месячной полночью»

На качелях она месячной полночью
Среди пёстрых огней длила катание,
Колдовской шоколад ела на воздухе,
Серпантинном увитая.

Я держался при ней, веря, что в памяти
Не пропасть ей такой – мехом окутанной,
С белоствольной четы снежными хлопьями
Ненароком осыпанной.

Что содействует ей – мнится чарующим,
А немилым оно только считается;
Пролепечет: «Умри!» – сгинешь от нежности.
Повелительно лучшее!

«Под балконами цветы»

Под балконами цветы
В полутьме дышали знойно;
Обнимала крепко ты,
Сердцеед – уже спокойно.

Любопытная семья
Нависала на перила —
Всё подверг упрёкам я,
Всё в округе ты простила.

Небезрадостны черты
Легкомысленного дела:
Поначалу никла ты,
На разлуку – хорошела.

«Подружка любимая словами и взорами»

Подружка любимая словами и взорами
Коснётся подспудного порой пронизательно —
Того, что настойчиво тревожит укорами,
Что блёстками лживыми скрываю старательно.

Но как мы врачуемся приёмами нежными,
Как мало терзаемся шипами жестокими!
По нраву мне милая покровами снежными,
Кудрями воздушными, глазами глубокими!

Прозрение девушки – то счастье случайное,
Всезнание чудное – то магия мнимая,
Приводит от ревности в смущение тайное
Словами и взорами подружка любимая.

«Заходила ты в пруд – и бежала попятно»

Заходила ты в пруд – и бежала попятно.
Твои визги звучали по-девичьи приятно.
Ты плескала в меня, заводя поединки,
И с отогнанной тиной трепетали кувшинки.

Ты плескала в меня пламенеюще-смело,
Но дрожало на гальках ароматное тело.
Докучал я тебе – ты сердилась ужасно,
Но совсем отступался – горевала безгласно.

Докучал я тебе: то возникло навечно —
Где голубке сердиться, мне смеяться сердечно;
Где ласкать я хочу, ты сражаться готова...
Но зовёшь искупаться меж кувшинками снова!

«На воду брошены последние цветы»

На воду брошены последние цветы,
Забыты летние интриги,
Но мне безгорестно: мне выполнила ты
Закладку чудную для книги.

Безумно плещется багряная листва,
Фонтан осёкся в лихорадке,
Но мне безгорестно: мне дороги слова
На появившейся закладке.

«Разъединяются не прихотью любой —
Необходимостью суровой.
Но мне безгорестно: мне быть ещё с тобой,
Закладкой быть ещё вишнёвой».

«По вине прикосновения»

По вине прикосновения
Слышу в комнате глухой
Шум увядшего растения,
Шум отчаянно сухой.

Принесла воды спасительной
Милосердная рука
Для цветка в алчбе томительной,
Для последнего цветка.

Нелегко существование,
Но пленительно зато,
Где столь явственно призвание,
Где способности – ничто.

«Несмело простишься с убогой теплицей»

Несмело простишься с убогой теплицей
Для жизни богатой, но подлинно трудной;
Тревожна разлука с заветной цевницей,
Добра не сулящей стезе безрассудной.

Неужто секира суровых условий
Не даст инструменту губительной раны?
Та певчая птица, что всех образцовей,
Летит из остылой в отрадные страны.

Решения духа как будто зловещи,
Нетвёрдому надо того, что нетрудно,
Но, только осилив ужасные вещи,
Приблизись к цели, сияющей чудно.

«Стороной, стороной»

Стороной, стороной
Шумно листья шелестят;
Я не сплю, надо мной
Тонко ласточки свистят.

Я блажен, я могу
Предаваться чувством ей,
Лишь её берегу
В ясной памяти своей.

Колдовски тронут я
Речью самой ходовой;
Не дано забытья —
Впечатления с лихвой.

«Даётся под небом её предпочтенье»

Даётся под небом её предпочтенье
Пустому цветку:
Достойное чувства другое растенье
Несёт ей тоску.

Случается мять ей душистое племя
Во мгле дождевой:
Любая минута – не лучшее время
Для неги живой.

Прекрасней ли было б её подчиненье
Примеру друзей?
То было б уныло – пускай треволенье
Сопутствует ей.

«На качели пришли мы без мысли резонной»

На качели пришли мы без мысли резонной
В полумгле дождевой.
За речами раскрыл я свой зонт однотонный,
Ты – расцветенный свой.

Прояснил я тебе щепетильные страсти,
Да нельзя не вздохнуть:
Их изысканный смысл убеждает отчасти,
Тривиальный – ничуть.

Уязвления в нас одинаково жгучи,
Но крылаты на спад:
Утешаемся мы, что соблазны летучи,
Что спасает уклад.

«Идя со знакомой, на диво любезной»

Идя со знакомой, на диво любезной,
Шутил осторожно о страсти коримой.
Внезапно столкнулся с отчаянной бездной,
Зиявшей во взоре ревнивости зримой.

Невольно смутился: презрения стоит
Язвляющий другую на поприще хвата,
Ведь он её чары любовью удвоит,
Изменой – до капли лишит аромата.

Сомнительна, впрочем, иная проруха,
Дано ошибаться в чужом окаянстве.
Порой не струится морозного духа,
А сад отчего-то в морозном убранстве.

«Румянца жар, актёрство, мишура»

Румянца жар, актёрство, мишура,
Нездешний лик и пряди вихревые
Велят ему для мнимого добра
Служить ей не впервые.

Наказанный забывчив оттого,
Что горести и тесные тенёта
Рассматривать она влечёт его
С орлиного полёта.

Но что порой любая высота?
Желанней грех и чувственные вкусы.
На клавишах оставлена фата,
А на скульптуре бусы.

«Не только с юмором оценивает он»

Не только с юмором оценивает он —
И с пониманием отчасти:
Судьёй становится не всякий пустозвон,
А раб исследуемой страсти.

Не ваше поприще, не плод иметь ему —
Нести критическое слово.
Знаток он избранный для вас, и потому
Гласит уверенно, сурово.

Не распознаете вы псевдомудреца.
А кто предмет его смущений?
Средь осмеяния спокойный до конца,
Реализующийся гений.

«Хорошо бы спуститься к реке»

Хорошо бы спуститься к реке,
Где на ряби дробится луна,
Где гитара, звуча вдалеке,
Приворота полна.

К сожалению, планы свои
На песке создавал я порой.
Вы не ждёте заветной ладьи.
Вы томитесь игрой.

Не хочу сокрушаться сейчас,
А печалей немало терплю,
Но, возможно, похож я на вас,
Если вас я люблю.

«Забыл я на время святую науку»

Забыл я на время святую науку,
Черёмухой пахло гнилое жильё;
В окно занесла ты лилейную руку,
Чтоб ливень обрызгал её.

Давно светлоокой не видел я рядом,
Остыли тревоги живой суеты;
Лица дорогого коснулся я взглядом —
И взглядом ответила ты.

Не теплится в ком-то огня колдовского,
Но кроется что-то, победно разя;
Тут общего мало, но много такого,
Чему научиться нельзя.

«Протекли три стаи в виде клина»

Протекли три стаи в виде клина,
Протекли, курлыча надо мной;
Вдалеке сомкнулась их община,
Дождь объял округу пеленой.

Журавли при встречах и разлуках
Извещать умеют о себе —
Ничего не ведомо о муках,
О твоей безропотной судьбе.

Ты всегда крепила дорогого
Добротой святого образца —
Не теряй с оглядкой на другого,
Что несла с оглядкой на Творца!

«Чуть улыбается с портрета»

Чуть улыбается с портрета
Певица редкой теплоты.
Звезда хранила тайну света,
Хранила тайну красоты.

Вершили суд иные строго,
Но суд их истинен едва ль;
Она цветов объяла много,
Сложила жатву на рояль.

А запоздалому тюльпану
Виднеться выпало при ней,
Что помнить я не перестану
Душеспасительно поздней.

«Мне забыть об охлаждении»

Мне забыть об охлаждении,
Мне светиться, не скорбя:
Я признался в сновидении,
Что люблю тебя.

Ты стоишь – очарование!
Ты ступаешь – я дрожу!
Но, тая переживание,
С головой дружу.

Что лишь юным извинительно,
Что потеряно давно,
В сновидении – пленительно,
Наяву – смешно.

«Руку лилейную тронуть однажды»

Руку лилейную тронуть однажды
Пало кому-то наградой тоски.
Вот оно, счастье, достойное жажды, —
Царственной вашей коснуться руки!

Имя счастливцу вы дали впервые —
Дали как будто хмельное питьё!
Прятала фея глаза роковые,
Встарь отвергая безумство моё.

Сон увидал я, где фея с улыбкой,
Трепетно рдея, прильнула ко мне.
Светел я в путях иллюзии зыбкой —
Любящей вас я дознался во сне!

«Плакучие берёзы быстро вяли»

Плакучие берёзы быстро вяли,
Какая-то давно была раздета —
А флоксы нас и видом удивляли,
И временем отрадного расцвета.

Соцветия прельщали невозможно,
В них общее с отдельной парой было:
Что полностью по духу безнадёжно —
В её глазах ещё не сплошь уныло.

Волшебные персты, своё лелея,
Волнующе держали в тихой власти.
Ко сну звала плакучая аллея,
А флоксы всё влекли к интимной страсти.

«Кто вещает о муке тщеты»

Кто вещает о муке тщеты,
Кто о новой красе бытия.
Не ко светлым относишься ты,
Но не сумрачен я.

Недовольно томятся на дне
Существа без мечты голубой.
Ты не молвишь отрадного мне,
Но отрадно с тобой.

Кто не терпит иной правоты,
Тех едва лишь и сам я терплю.
Неприветливо держишься ты,
Но тебя я люблю.

«Подвластны рассудку светильники ночи»

Подвластны рассудку светильники ночи,
Погаснут они при светоче дня;
Безумного жара не выразят очи,
В открытой среде смиренство храня.

Восторги ночные душе всё невнятной,
По воле дождя тоскливо порой.
Довольны голубки сухой голубятней,
Горюет одна на кровле сырой.

Несобранно сидя на мятой постели,
При тихой свече горюешь и ты.
Распались устои, подобно скудели,
И ценностей нет, и жалки мечты.

«Пышнокудрой, влекуще красивой»

Пышнокудрой, влекуще красивой
Дорогая виднеется мне,
Хлопоча на веранде тоскливой,
При вечернем огне.

Вызывать я в ней радость умею,
Поцелуй мне даруется вдруг;
А привлечь её жарче посмею —
Ускользает из рук.

Утешаюсь я в миги тугие,
Что близка мне душой хоть одна,
Что меняют обычай другие —
Не меняет она.

«Меж нами имелись обычные речи»

Меж нами имелись обычные речи,
Но высмотрел я чрезвычайное:
В едва повернувшей ко спутнику плечи
Мерцало желание тайное!

Подумал я сухо: какое мне дело
До сферы чужого желания,
Что бьётся бескрыло, гнездится несмело,
Не стоит и мига внимания?

Хочу удалиться дорогой своею —
Но говор её продолжается.
Тогда приглашаю ко столику фею —
Впервые на зов откликается!

«В половодье волос и в ночной пелене»

В половодье волос и в ночной пелене
Покоряет она, как русалка почти,
И когда б я дерзнул угодить ей вполне,
То заветной тропой отказался б идти.

Никогда подобру не отпустит она,
Затруднительно мне возле двери любой:
Говоря напрямик и лукавя сполна,
Занимаюсь я с ней сумасшедшей борьбой.

То коснётся меня позолота кудрей,
То расплещется вдруг у неё по лицу...
Не берусь я мечтать о судьбе лебедей,
Неразлучной четой дорогих озерцу.

«Закатная риза дана бездорожью»

Закатная риза дана бездорожью,
Родятся светила в лазурном эфире.
Ты молвишь устало, с таинственной дрожью,
Что двое мы в мире.

Твои одногодки счастливей едва ли:
Не хватит их искры на пламя живое —
Дай выйти из дебрей, где бесы разыграли,
Где, к счастью, мы двое.

Твоё постоянство похожего шире,
Твоё восхищает оттенками чуда.
Но счастье теряют, и счастье, что в мире
Мы двое покуда.

«Средь ясной весны фиалки в саду»

Средь ясной весны фиалки в саду
Не пали во прах от снежного шквала —
Слабейшие те стерпели беду,
Что грубой рукой других убивала.

Расчёты держа порой взаперти,
Внимая душе, пророчащей втайне,
Мы носим и то, что трудно снести,
Хоть кожей своей чувствительны крайне.

За помощью звёзд и личности все
Счастливы творят, осанисто, смело;
Сияют они в активной красе,
Где, мнится, кругом их ад, а не дело.

«Весна воспитала фиалки в саду»

Весна воспитала фиалки в саду,
Но что-то вернуло холодное царство;
Цветы претерпели большую беду,
Большое коварство.

Мы тоже вдохнули минутный дурман —
И чуждого скоро нашли в одноверце.
Не дело, не слово повергло в обман,
А мягкое сердце.

Не время фиалкам и нашей мечте.
Кто жизнь усложняет, очнётся в накладе:
Раздвоенной жизни прийти к остроте,
Как цельной – к отраде.

«В любви легко лишиться почвы нам»

В любви легко лишиться почвы нам
И двинуться на диво по волнам.
От берега потребно отойти,
Чтоб общее пристанище найти.

С молитвами найдёт его любовь —
И здравый смысл иметь ей можно вновь,
А водами идя, чуждаться дум
И веру сохранять уместно двум.

От веры здесь отделаться нельзя —
Пугающей становится стезя,
На твердь из вод обратно рвёмся мы,
Приемля то, что ведают умы.

«Как будто столетье не видел я феи»

Как будто столетье не видел я феи,
Мечты золотые прошли без возврата,
Но вновь я втянулся в большие затеи
Волнующей скупой вином аромата.

Всегда впечатляет её появление,
Её руководство по духу прекрасно;
Блажен я, что в деле её оживление
С моим интересом отчасти согласно.

Цветущ я, наверно, сегодня воочью,
Сегодня себя я прощаю нетрудно;
Близ уютной церквушки рождественской ночью
Во мне светозарно, в округе безлюдно.

«Ты мамы держалась, одна к ней припав»

Ты мамы держалась, одна к ней припав,
Одна среди веселья ты слёзы хранила,
А мама бранила несчастный твой нрав,
Ужасно бранила.

Придя без костюма, не зная, где сесть,
Отрадней была ты звезды карнавала.
Повсюду удобства посредственным есть,
А лучшим – опала.

Дышал я в опеке, почти часовой,
Речами скупыми, лишёнными силы;
Дышал я речами, что жалки с лихвой,
Но подлинно милы.

«Запросами близки мы не вполне»

Запросами близки мы не вполне:
Желательней мне те места, что немы,
Безумной же в заветной глубине —
Места, где шум от круга диадемы.

Сохранней жар и дух ясней во мне,
Зато она прельщает юной кожей;
Пусть осени – плоды, цветы – весне,
Цветы, любовь – и девушке пригожей.

Претит ей всё, где правила в цене;
Где правила в уроне – мне печально.
Но горести измен острее вдвойне,
Чем горести живущих идеально.

«Тебе на пустоши таинственной»

Тебе на пустоши таинственной
Желанней друг иного ряда,
Но чтоб явиться мог единственный,
Душа предшественнику рада.

Не зря ты ставишь угощение
Для гостя малодорогого:
Неледяное с ним общение —
Залог общения другого.

Пока черёмуха добудется,
Найдётся верба многократно;
Моё вторжение забудется,
Моё беспутство благодатно.

«Поющий сердцу соловей»

Поющий сердцу соловей,
На высоте гнездо не вей!
Благим опасна высота:
Дается ястребам она.

Блюсти пристало соловью
Средину узкую свою;
Богатство щедрое её
Прельстит и нищее чутьё.

Господствуй в песне, соловей!
Ты благородство даришь ей,
Тебе желанна красота —
А к ней бесстрашна высота.

«Вечерней порой тебя, дорогая»

Вечерней порой тебя, дорогая,
Нашёл я подобной колдунье лесной —
Предстала не ты, предстала другая
Вечерней порой.

Внимая судьбе над веткой сирени,
Ты знала, что снова пришёл я к тебе,
Но сердцу милей не сделала сени,
Внимая судьбе.

«Докучны дожди, – сказала тоскливо, —
Пятилепесточье на ветке найди:
Нашедшим его живётся счастливо...
Докучны дожди».

«Волшебными не сделать отношений»

Волшебными не сделать отношений
Без ревностных усилий, без решений:
Властительней вторгается в мечты
Лишённое заметной красоты.

Волшебными не сделать отношений
При дичи дум и дичи возглашений:
В сознании теряя высоту,
Нельзя сберечь и в сердце красоту.

Волшебными не сделать отношений
Без горечи разлук, их искушений:
Раздельности присуща маета —
Свиданиям известна красота.

«Не спрятаться для большого рождённым»

Не спрятаться для большого рождённым:
Отмечены тем оттиском они,
Что как-то зрим извечно подчинённым
И попросту безвластным искони.

Законное приемлет уваженье
Ведущее по духу существо.
Нельзя развить иронии движенье:
Потешника не сделать из него.

Что к этому помехой – мнится тайной.
Подобные не часты чудеса,
Но видится красой необычайной
Достаточной не ставшая краса.

«Могущество отступит от иного»

Могущество отступит от иного
По тщетности напора своего,
Безжалостной грозе всего земного,
Течению времён отдав его.

Сдаётся, что пора лишь одолеет
Отшельника, достойного царей,
Поскольку тот единое лелеет,
А прочее морозит у дверей.

К чему гасить и прелести готово
Суровое в искусстве существо?
Для цельности создания святого,
Для трепета пытающих его.

«Отчего сегодня всюду грустно?»

Отчего сегодня всюду грустно?

Отчего мне всюду неуспех?

Искони мы с ней сражались устно,

О любви толкуя жарче всех.

Я скорблю, что вечно в сече мнений

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.